

Фрагмент из романа

Per Leo
Flut und Boden
Roman einer Familie

Klett-Cotta Verlag, Stuttgart 2014
ISBN 978-3-608-98017-2

C. 79-85 & 240-249

Пер Лео
Вода и почва
Семейный роман

Перевод Александр Ярин

С. 79-85

...Мне всегда казались какой-то блажью попытки деда подстегнуть физический рост своих внуков: кто вымахает на метр восемьдесят – таков был его собственный рост, – того наградят квадратным куском засахаренного пирога. Кажется, он крепко держался за эту идею, во всяком случае, так утверждали те из моих кузенов, которым, в отличие от меня, удалось взять барьер. Насколько добросовестно подходил к делу бывший блюститель расовой чистоты, никто их нас по-настоящему не знал. Во всяком случае, первая же вразумительная информация о работе эсэсовских контролеров расовой принадлежности, которую я раздобыл, должна была бы внушить мне сомнения в добросовестности их работы. Если я обманываюсь не во всем, то лишь благодаря одному рассказу бабушки о временах национал-социализма.

Правда, она совсем не претендовала на особую историческую дотошность, когда однажды поведала, что дед женился на ней, несмотря на то, что некая экзаменационная комиссия – что за комиссия, бабушка не уточнила – нашла ее непригодной к браку. Чистейшее арийское происхождение, на зависть привержена малой родине, внешность нордически-фелическая, хрестоматийная, здорова как целый рой трудовых пчелок, а сильна настолько, что когда во время сенокоса ее ужалила гадюка, она лишь слегка покачнулась. И уж подавно она была хороша собой. Но, увы, слишком маленького роста. Если память мне не изменяет, тот факт, что в марте 1935 года деду все же удалось преодолеть запрет, бабушка объясняла верностью двоякого рода: его личной верностью ей, и верностью товарищей ему самому. В сущности этот анекдот многое говорит о том, как функционировал Третий рейх. Всякий, кто мог бросить что-либо на чашу весов, будь то деньги, свое влияние, аргументы дружбы, собственное тело или другой какой натуральный продукт, тот мог плевать на законы.

Что жители Лотарингии могли предложить СС? Сколько нужно было франков, сколько ветчины, сколько раз отдаться, чтобы засвидетельствовать нордический состав своей крови? Мы об этом ничего не знали и могли лишь предположить, что ошеломляюще высокая квота на онемечивание, установленная в западных аннексированных областях, имела в своей основе не одни только материальные критерии. Впрочем, Фридрих Лео как глава Управления по расовым вопросам, к тому же закончивший надлежащие курсы по повышению квалификации, был выдвинут по причинам самым что ни на есть материальным. Он был включен в так называемую «летучую комиссию», которая прочесывала Лотарингскую глубинку с целью картографировать расовый состав населения и принимать решения по поводу поступающих запросов на приобщение к немецкой нации. Эти комиссии состояли из врачей и эсэсовских контролеров человеческого материала. Пока медики взвешивали, измеряли, прослушивали, заполняли истории болезней, эксперты по расовой принадлежности составляли себе общее представление о внешних данных экзаменуемого. На практике это означало, что они сравнивали

изображения человеческих особей, напечатанные в нормативном справочнике «Расология Европы», с действительностью, имевшей место внутри франко-германской области. Принадлежал ли французский народ, каким он сформировался на тот момент, «преимущественно к восточной расе», как утверждал автор, независимый ученый Ханс Ф.К. Гюнтер? Действительно ли темноволосые круглоголовые теснят бледнокожих и длинноголовых?

Объявление о конкурсе на вакантную должность расового контролера, в обязанности которого входит отбор человеческого материала, пригодного для германизации, могло бы выглядеть примерно так: «Требуются духовидцы с практической жилкой. Если ты недоучившийся крестьянин, садовник, лесничий, виноградарь или пчеловод с органическим чутьем к немецкой культуре, или теоретик с склонностью к практике, или, возможно, образованный горожанин-ариец, любитель домашних животных, имеющий опыт ягодного-грибного собирательства, а, быть может, еще и биолог или германист по образованию, – во всех этих случаях твое место – среди нас!» И счастливый обладатель справки о принадлежности к «новым крестьянам» Фридрих Лео, и его начальник в Меце профессор биологии Бруно К. Шульц могли претендовать на место в этом списке, каждый на свое. Два разных представителя одного и того же типа, быстро научившиеся ценить друг друга и довольные возможностью продолжить совместные труды после завершения работы на западе и перенесения объединенного селекционного штаба в славянскую область, город Марибор на Драве.

Летом 1941 года поступил – судя по всему, в рутинном порядке – запрос на персональную характеристику контролера № 76. Можно предположить, что составить ее мог любой из начальствующих, но дело это взял в свои руки глава юго-западной передвижной конторы. Названный контролер к этому времени едва оправился после тяжелой автомобильной аварии, кроме того, начальник имел на этого своего подчиненного кое-какие виды.

Тип расы: *нордически-фелический* – вывел Шульц дружелюбно-округлыми буквами, приятно отличавшимися от колючих и претенциозных росчерков остальных чинов СС (глядя на подпись Беста, он никогда не мог сдерживать ухмылки).

Личная выправка: *истинно-солдатская, отличная.*

Образ действий, поведение в служебное время и вне службы: *безупречное, образцовое.*

Материальное положение: *благополучное, насколько известно.*

Семейные обстоятельства: *благополучные.*

Общие свойства характера: *характер прямой, открытый, отзывчивый.*

Состояние духа: *весьма бодрое.*

Сила воли и твердость характера: *образцовые.*

Сообразительность и трезвость суждений: *отчетливые, ярко выраженные.*

Положительные свойства и достоинства: *тонкое понимание расовых различий и биологических особенностей разных национальностей; близок к природе.*

Отрицательные свойства, слабости: *не отмечено.*

Все эти пункты Шульц заполняет торопливо, не поднимая глаз от стола. Он прекрасно знает свое дело. Внезапно эта нетрудная, но для него весьма важная работа застопорилась. Пункт II, 5: Компетентность и образование. Этого он знать не может, необходимо уточнение:

– Школа?

– Гимназия.

– Пишу: выдан аттестат.

– Никак нет, штандартенфюрер, не выдан. Я ушел после седьмого класса.

– Что? Так не бывает.

– Прошу прощения. Так бывает в лучших семьях.

Начальник удивленно поднимет брови и на секунду застывает. Потом снова берется за дело.

– Все это пустяки! – заключает он. – Если я напишу, что вы ее закончили, значит закончили. Надеюсь, это понятно? И оставьте звание, мой дорогой. Я для вас просто Шульц.

Оберштурмфюрер чувствует теплую волну благосклонности, идущую от собеседника, но доверяться ей не спешит. Возможно, его просто проверяют?

– Благодарю, господин... – отзывается он и лишь после паузы произносит фамилию. В его бременских устах она звучит как Шоуц. – Но я не уверен. Если там стоит вопрос об аттестате и это выяснится, возникнут неприятные последствия. Вы понимаете.

– Ну-ну, не стоит так робеть! – ободряющая улыбка. – Это на вас не похоже. Кто все это заполнил и подписал? Разумеется, штандартенфюрер Шульц. А разве он не может ошибаться? Он услышал слово: гимназия. И подумал: все ясно. Ну и написал по ошибке: аттестат представлен. Я вас умоляю! Где, вы говорите, защищался ваш батюшка?

– В Лейпциге, господин Шульц.

– У Лампрехта?

– Полагаю, да. Мать часто упоминала это имя.

– Господи боже! Так что же вы так тушуетесь? А другой историк, Хайнрих Лео? Который всего Гегеля – вдоль и поперек? Тоже ваш родственник?

– Да, но не по прямой линии.

Профессор покачал головой, словно никак не мог взять в толк этой добровольной игры на понижение. Затем, чтобы придать своим словам больше убедительности, он наклонился над столом так низко, что мог бы шептаться со своим выпрямившимся, как свеча, визави, и в то же время заглядывал ему в глаза снизу вверх. Вид у него при этом был заговорщицкий.

– Мы здесь на войне, Лео. Только один вопрос: вы действительно хотите положить свою жизнь на отбраковку этого славянского сброда?

Его собеседник не шевелился, в голове же медленно соображал, к чему все это может привести. Главное – не дергаться лицом!

– Когда, бишь, вы покинули свой питомник? В двадцать пятом?»
Оберштурмфюрер кивнул.

«Ну, так сами видите! И нечего вам теперь брать в голову эти несколько несчастных лет из системных времен¹. Маленькая отрывка истории, больше ничего. Вы не хуже меня знаете, что в ту пору многое пошло наперекосяк. Ну и кто выторговывал себе тогда все эти аттестаты? Разные жидовочки для чистого выпендрежа! Восточный народец за наш счет изучает нашу оборонительную технику. Но к вам-то все это не имеет отношения, разве непонятно? Зачем вам эти бумажки, если ваш аттестат у вас в крови? Вы понимаете меня, Лео? Аттестат – в крови! В общем, я так и записываю. Больше мне от вас ничего не нужно».

Этот взгляд на вещи, более или менее адекватно изложенный, не имел, по мнению штандартенфюрера профессора Шульца, ничего общего с оказанием протекции. Своим творческим обращением с фактами он просто-напросто восстанавливал равновесие, напроць разрушенное оевреенными принципами расовой фильтрации. Самое время дать новый толчок научным исследованиям в своем отечестве! И где, скажите на милость, если не здесь? И кто, если не он, должен начать процесс? В конце концов достигнутый уровень исследований – не в последнюю очередь и его заслуга. *Помимо прочего, расовый отбор – так он сформулировал в инструкции для расовых контролеров – в принципе имеет дело не с единичными субъектами, а с целыми родственными кланами, в отношении которых проверка жизнеспособности опять-таки имеет колоссальное значение.* И вот извольте видеть: ученые, государственные служащие, священники, судостроители, фабриканты, аптекари – разве родственник клан этого молодого человека не доказал свою жизнеспособность самым блестящим образом? Так что получайте свой аттестат и – в Берлин.

¹ *Системное время* – презрительное наименование нацистами Веймарской республики и периода ее существования (1919 – 1933).

С. 240-249

Дверь захлопнулась.

Кораблик, доставивший нас сюда, затарахтел мотором.

Мы углублялись в ГДР.

Две комнаты в доме, по которому провели нас хозяева, занимают в моей памяти особое место. Первая звалась «имперская», в ней жил С. Если бы я не придушил в зародыше иронию, забулькавшую во мне с первых минут знакомства, ее все равно снесло бы как ветром, лишь только С. открыл нам дверь. Без всякой навязчивости, со спокойной гордостью, которая никого не задевала, внук Мартина показал нам свою мастерскую по изготовлению корабельных моделей. Ибо ничем другим его комната не была. Но при этом – никаких следов труда и пота, надо всем – инструментами, строительным материалом и заготовками, над уже построенными моделями парил дух бережливой заботы. Здесь не было ни одного куска бечевки, не намотанного на какую-нибудь лебедку, ни одной коробки от сигар, не метившей стать корпусом корабля, ни обрезка жести, не побывавшего лопастью корабельного винта. Труднее всего, объяснил нам С., доставать лаковые краски. Мне стало стыдно, потому что в нашей сумке не было, ничего, кроме кофе, шоколада и киви.

Другой комнатой, навсегда запечатлевшей во мне образ ГДР, была маленькая гостевая в подвале. Запах яблок, машинного масла, сырой штукатурки вместе с прохладным воздухом создавали аромат, который только и мог сохраниться в этих старых стенах.

Кровать моего отца погрузилась в полумрак, он лежал на ней с уже закрытыми глазами. Один мой ночник разливал по комнате слабый желтый свет. По прилегающей улице продребезжал двухтактник, по окну, похожему на иллюминатор, мазанул луч прожектора, потом все снова замерло. Я стал думать о матери и сестре, спрашивая себя, как они там в Мюнхене – составляют ли такую же не то крепко сомкнутую, не то разомкнутую парочку, как мы с отцом? Думаю, нет. Я, во всяком случае, не так уж хотел бы в ту минуту оказаться в кровати. В мыслях, уж точно, я бы тогда бродил по городу, возвратился бы на профершпиленный в среду теннисный матч, заглянул на вечеринку в Богенхаузене, куда меня не пригласили, к Маркусу, который наверняка в это время сочинял бы стихи или музыку, к Сабине, чье лицо все время ускользало из моей памяти. На самом деле для таких мыслей места во мне не оставалось, настолько полон я был этой незнакомой страной и тем удивительным теплом, которым окутал меня этот дом.

Я вспоминал поздний ужин, которым нас угощали. Колбаса оказалась очень даже неплоха, а «Радебергер» отличался от «Августинера» лишь тем, что я мог пить его не скрываясь.

Разговор сначала не клеился. Нам с отцом он, наверно, рисовался по-разному, но в главном наши мысли совпадали: оба мы остро сознавали, что вокруг нас – ГДР. Да и как иначе? То, что долгое время существовало лишь в качестве идеи, как разногласие в понимании вещей, непременно требует времени, чтобы стать реальностью. С нами происходило нечто похожее на то, что бывает с

юношей, который перед первым свиданием не переставая твердит: девушка... с ума сойти... девушка... только мы, и вокруг никого! Посмотреть со стороны – наш разговор протекал вполне нормально, болтали о том, о сем, но в голове все еще крутились обрывки какой-то новостной программы. «Полицейское государство, будь оно проклято», – думал, наверно, мой отец. «Потрясающий, великий Советский Союз», – думал я. «Смотри-ка, да ведь это наша восточная родня», – так, кажется, думали мы оба. Все наши мысли, однако, скоро выплыли наружу, потому что отец решил наябедничать на меня. Он, правда, ни словом не упомянул Австрию, однако, когда он признался этим замороженным диктатурой пролетариата душам, что его сын питает иллюзии относительно социализма, я воспринял это как запоздалую месть. В каком-то смысле он сказал правду, но все дело в том, что я вообще-то был аполитичен. Слово «социализм» отзывалось в моих ушах мелодичным торжественным аккордом. Левизна, разлитая в воздухе времени, юношеская мечтательность и философская серьезность, неистребимая ненависть к Хёнессу, Штраусу и Колю – все было выражено этим звуком, но сильнее всего отдавалась в нем тоска по России и – да-да, по Советскому Союзу, тогдашнему воплощению этой страны. И все же в тот момент я почувствовал желание опровергнуть слова отца.

«Я не за социализм, а за марксизм!» – пробормотал я смущенно. Будто между ними была какая-то разница!

Но никто из них троих не стал углубляться в эту тему. Горячее желание западного кузена выразить им свою политическую солидарность, казалось, не произвела на них особого впечатления. Поэтому они пропустили мои слова мимо ушей, полагая, видимо, что мой непомерный энтузиазм уляжется сам собой, и в полной уверенности, что у них есть что обсудить помимо бытия в условиях неправового государства. И конечно, они были правы. Уже не помню, как до этого дошел разговор, но С. попросил своего отца прочесть стихотворение «Мелкий дождь в глухую ночь», сочиненное им еще в юности. К. согласился, и когда мы невольно рассмеялись его остроумной, но и совершенно беззлобной словесной игре, стало понятно, что мы перед нами сидят трое совершенно нормальных людей. Приятные люди, без всякого зазнайства обладавшие чем-то таким, чего нам как раз не доставало. Я не мог назвать словами это нечто, но оно, без сомнения, существовало, и я все больше уверялся, что отнять это у них никто бы не мог.

Когда мы попрощались на сон грядущий, я дождался, пока мой отец закроет за собой дверь в ванную, снова поднялся наверх и постучался в дверь гостиной. Войдя, я увидел, что М. и С. уже ушли. В кресле сидел один К. Он закрыл книгу, которую читал, и положил ее на спинку кресла.

– Я смотрю, ты еще не устал? – спросил он.

Я боролся со своим смущением. Но дело было важное, поэтому я проговорил:

– То, что сказал Цвайли (это было домашнее прозвище моего отца) – ну, о социализме, это все не так.

К. был крайне удивлен такому размежеванию.

– Но почему же?

– Потому что я имел в виду совсем не ГДР, а саму идею. Я знаю, что у вас тут не все в лучшем виде. Но ведь у нас то же самое.

– Это я отлично понимаю, – ответил он. – В юности я думал примерно так же. Потом убедился, что это попросту не работает. Но, возможно, все не так уж плохо. В какой-то момент я стал догадываться, что эта страна, существующая вот именно так и не иначе, пытается мне что-то сказать.

– Что же именно?

– Что главные-то различия – не в политике.

Я принял задумчивый вид. Потом сказал:

– Я люблю Россию.

– Ты ее знаешь?

– Нет, но я читал их книги.

– О, это я понимаю даже лучше. И с возрастом в этом отношении ничего не меняется.

– А правда, что здесь можно купить хорошие русские книги?

– В общем, да. В основном классику. Завтра я покажу тебе книжный магазин. Там ты сможешь потратить кое-что из тех денег, что тебе придется обменять.

Я почувствовал, как кровь бросилась мне в лицо. Пронеслась мысль: не признаться ли ему в своем грехе валютной контрабанды? Я лишь боялся чересчур распалиться.

– Но есть и современные писатели, которые долго не залеживаются, – продолжал К.

Он подошел к стеллажу с книгами, вынул какое-то тонкое карманное издание и протянул мне.

– Вот, например. Не уверен, что ты знаешь этого автора. Попробуй полистай. Если тебе понравится, можешь оставить у себя.

Автора я знал, но об этой его книге слышал впервые. На потертой обложке – бесхитростная картинка: между двух ярко разукрашенных скал плывет по морю пароходик.

– Спасибо, – поблагодарил я и пожелал К. спокойной ночи.

– Доброй ночи. Спи сладко в объятиях Морфея».

Отец уже глубоко и размеренно дышал на своей кровати, я же принялся за книгу. Речь там шла о киргизском мальчишке, который жил в горах и никогда не видел своего отца. Тот плывал матросом на большом озере, – так рассказал мальчику дедушка, – и кусочек этого моря можно было разглядеть из их жилища далеко в горах.

Солнце уже склонялось к закату на озерной стороне. Стало не так жарко. На восточных склонах занялись первые, короткие тени. Солнце будет теперь опускаться все ниже, а тени поползут вниз, к подножью гор. В эту пору дня обычно появлялся на Иссык-Куле белый пароход.

Мальчик направил бинокль к самому дальнему видимому месту и затаил дыхание. Вот он! И все забылось сразу; там, впереди, на синей-синей кромке Иссык-Куля, появился белый пароход. Выплыл. Вот он! С трубами в ряд, длинный, мощный, красивый.

Он плыл, как по струне, ровно и прямо. Мальчик поспешно протер стекла подолом рубашки, еще раз поправил окуляры. Очертания парохода стали еще четче. Теперь можно было заметить, как покачивается он на волнах, как за кормой остается светлый вспененный след. Не отрываясь, мальчик с восхищением смотрел на белый пароход. Была бы на то его воля, он упросил бы белый пароход подплыть поближе, чтобы можно было видеть людей, которые на нем плыли. Но пароход не знал об этом. Он медленно и величественно шел своей дорогой, неведомо откуда и неведомо куда.

Было долго видно, как плывет пароход, и мальчик долго думал о том, как он превратится в рыбу и поплывет по реке к нему, к белому пароходу...²

В эту ночь я спал сном спокойным и сладким. Утром, выйдя в кухню, я по чувствовал запах свежего кофе.

– А, «Якобс Кронунг»! – поздоровавшись с М., я произнес эти слова, кажется, слишком игриво.

– Нет, «Даллмайер Продомо», – ответила она. – Мне родственники из Золингена всегда привозят. У нас его запас на целый месяц.

Тем лучше, подумал я и уселся за стол. Утро было чудесное. Мягко светило солнце, рядом с раковиной дребезжала старая развалюха-кофеварка. Где-то рядом послышался писк. Я огляделся и увидел волнистого попугайчика в клетке, трудившегося над мелко нарезанными кусочками киви. Я раздумывал, не буду ли выглядеть, как капитан Кук среди гавайцев, если замечу, что у нас этот плод считается деликатесом. Все же я это сказал.

– Да мы знаем, – ответила М. – Но кроме Тирили у нас его никто не любит.

В этих ее словах не было никакого вызова. Она просто сообщила о факте. Уже этот первый утренний разговор здорово упрочил приятное впечатление от вчерашнего вечера. И весь день оно лишь еще больше укреплялось. На долгой прогулке по городу, которую мы устроили чуть позже, К. показал себя отличным чичероне. Говорил он спокойно, со знанием дела, выразительно, хоть сразу отдавая в печать, и главное – никакого занудства. На Брюлевой террасе он уступил слово сыну, и тот столь же увлекательно посвятил нас в основные секреты судоходства на Эльбе. Многие из проплывавших мимо нас кораблей он знал по имени. Один раз он даже помахал рукой какому-то капитану – в ответ раздался долгий гудок.

– Странно, ведь сегодня не его дежурство, – проговорил он и на минуту о чем-то задумался.

Он уже хотел продолжать свой рассказ, но его перебила мать. Она взяла меня за руку и показала на какого-то человека в меховой шапке и длинном пальто, который стоял метрах в ста от нас. На плече он держал какую-то штуковину.

² Чингиз Айтматов. Белый пароход.

– Ты хотел посмотреть на красноармейца – так вон он!

Я такое говорил? Но это было правдой. Красная армия для меня кое-что значила. Она напоминала мне о том дне, когда мне впервые открылась дверь на Восток. Это произошло в прошлом году на Рождество, во вторую пятницу, когда все уже спали, а я вроде как тайком смотрел по телевизору «Доктора Живаго»: это было одно из тех редких культурных впечатлений, что придают жизни новое направление. При этом не имело никакого значения, что красные там были представлены как злая сила. Конечно, история любви, попавшей в водоворот революции, растрогала меня до слез. Но образ пронизанного солнцем деревянного домика где-то на далеком Урале, где обманчивое счастье соединило Лару и Юрия, вписывался в единую картину с образом холодной власти: даже то, как Стрельников в щеголеватой армейской форме спрыгивает с поезда, везущего с собой революцию в этот край, и творит суд прямо на поляне, – даже это неудержимо меня влекло. Оба эти образа представлялись мне одинаково прекрасными – хотя и по-разному. И эта их красота вызывала во мне неудержимое желание постичь исторические сплетения, которые сделали ее возможной.

Все это заставило меня уже на второй день Рождества снова взяться за «Введение в марксизм», которое я незадолго до этого заказал в Центре политического просвещения. В первый раз книга показалась мне слишком сложной, и я ее отложил, теперь же прочитал от корки до корки, хотя многого все равно так и не понял. К апрелю, к дате моей конфирмации весть о моем новом страстном увлечении разнеслась по всем знакомым. Никто не решался подарить мне что-нибудь другое, кроме книги, написанной русским автором или на тему о России. Все эти книги я мгновенно проглатывал. Трехтомник воспоминаний Паустовского, рассказы Чехова, тургеневские «Записки охотника», фотоальбом о Советском Союзе и даже «Справочник по русской истории» Плётца. И только перед Толстым я на время капитулировал. В сентябре я присоединился к группе школьников, моих ровесников, захотевших изучать русский как третий язык. Наш учитель, весьма утонченный человек по имени Дмитрий Милинский, который в марте сорок второго семилетним мальчиком бежал по Ладожскому озеру из осажденного Ленинграда, казался мне, однако, не совсем русским. Уж слишком часто, абсолютно без акцента, без единой ошибки, просто поразительно он читал нам наизусть немецкие стихи.

Но человек на Брюлевой террасе – тот выглядел вполне как чужой. Вот он стоял, мой первый русский, который, впрочем, вполне мог оказаться каким-нибудь чуванцем или калмыком. В одном нельзя было сомневаться: это красноармеец, даже если на самом деле он был не тем, кем мне казался, а бедолагой, который утоляет свою ностальгию не иначе как водкой «Столичная» и фотокарточками Ольги Остроумовой. Мне он предстал как гордый революционер, раздавивший фашистскую гадину, как восставший из мертвых Стрельников. Я хотел было его сфотографировать, но не решился.